

городов, включая далекую Сибирь, республики Средней Азии и иные районы нашей страны. Ленинградские востоковеды, этнографы, географы, работающие в тесном контакте с Институтом этнографии АН СССР, так же как ученые из других городов, получили не только дополнительный форум для обсуждения интересующих их проблем, но и возможности для публикации своих изысканий в серийном сборнике «Страны и народы Востока» и в других изданиях комиссии.

С. А. Арутюнов

НОВЫЕ КНИГИ О РАННИХ ФОРМАХ РЕЛИГИИ

За последние годы советская этнографическая наука обогатилась рядом книг, посвященных проблемам религиозных верований разных народов. Книги эти по тематике и региональной специфике распадаются на ряд групп. Так, два очень близких по духу сборника, которые даже по названию и внешнему оформлению выглядят почти как два тома единой работы, «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии» (М. 1970) и «Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии» (М., 1973), посвящены в основном традиционным верованиям народов этих регионов, являющихся потенциально или реально субстратными для распространенных здесь мировых религий — буддизма, ислама, христианства. В книгах Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969), В. Н. Басилова «Культ святых в исламе» (М., 1970), сборнике «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии» (М., 1975) также анализируются аналогичные субстратные пережитки в контексте среднеазиатского ислама. Наконец, при всем различии своей проблематики, такие книги, как работа Э. В. Померанцевой «Мифологические персонажи в русском фольклоре» (М., 1975) и коллективная монография «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы — зимние праздники» (М., 1973), также главным образом рассматривают функционирование пережитков дохристианских верований у европейских народов, где эти верования подавлялись христианством в течение многих веков.

В настоящем обзоре мы рассмотрим те книги, где проанализированы некоторые ранние формы религиозных верований и культовой практики, бытовавшие до недавнего времени у тех народов, которых влияние высокоразвитых мировых религий практически совсем или почти совсем не коснулось. Книги эти написаны главным образом на материале верований коренных народов Сибири.

Опытом монографического исследования различных аспектов религиозных представлений конкретного этноса является книга Н. А. Алексеева «Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX вв.» (Новосибирск, 1975). Она состоит из трех глав. Первая глава содержит сжатый, но исчерпывающий очерк существующей по проблеме якутской религии литературы. Две другие главы излагают концепции автора. Особенно содержательна, с нашей точки зрения, II глава — «Характеристика ранних и пережиточных культов». В ней демонстрируется преемственность анимистических и магических представлений. Она тем нагляднее, что по якутски словом *иччи* обозначается как таинственная безликая сила, типа меланезийской *мана*, так и персонализированный дух-хозяин предмета (переводит иччи автор по-разному, в зависимости от контекста, как правило, не оставляющего сомнений в конкретной семантике слова). Следует лишь отметить, что наряду с бесспорно магическими представлениями типа волшебного камня *сата*, вызывающего

ветер, дождь и снег, автор относит сюда же и представления, которые могли иметь эмпирически материалистический, хотя порой и ошибочный характер. Таковы представления о целебной силе муравьиного масла или супа из мяса дятлов. В чем магический характер таких средств, осталось в книге нераскрытым. Подробно описаны и проанализированы в книге пережитки тотемизма у якутов. Отмечая, что наиболее часто тотемными животными у якутов были орел, лебедь и ворон, автор пишет, что их почитание переросло рамки тотемизма и приобрело общекутский характер. Между тем культ этих птиц чрезвычайно широко распространен вообще во многих ареалах северной Евразии и Северной Америки и не обязательно должен генетически возводиться к тотемизму. Они могли становиться тотемами новых родов (и новыми тотемами старых родов) именно в силу своей популярности в общеплеменных и даже межплеменных культах.

Третьим объектом рассмотрения в этой части книги, помимо магически-анимистического и тотемического комплексов, является комплекс верований, связанных с идеей убитого и воскресающего зверя, с почитанием к его останкам, с избеганием нанесения зверю (духу зверя) обиды, распространяющимся и на домашних животных — быков, жеребцов. На наш взгляд, есть основания не включать эти представления в раздел «Промысловый культ», хотя они с ним близко соприкасаются. В первом случае объектом религиозной просьбы является благосостояние и благорасположение самого мира животных, а во втором — расположение стоящих выше и вне этого мира духов, могущих ниспослать охотничью удачу. Н. А. Алексеев полемизирует с широко распространенным мнением, что весь комплекс промысловых культов был заимствован якутами от более давних обитателей таежной зоны, и показывает, какие компоненты в нем являются исконно якутскими, а какие могут быть объяснены эвенкийскими или другими заимствованиями.

В особый раздел выделен кузнечный культ. Кроме кузнецов, у якутов до XX века не было других четко оформленных профессий и соответственно профессиональных культов, комплекс же кузнечных культов в какой-то мере модернизировался как параллель и одновременно антитеза шаманским культам. В этот комплекс входит заболевание кандидата «от предков», искупление, посвящение, а прошедший посвящение кузнец по своим магическим возможностям стоял кое в чем выше шаманов.

Пожалуй, наиболее интересны в книге страницы, повествующие о культе божеств айы и о тесно связанной с этим культом теме умиротствления духов-покровителей семьи (очага, коновязи, хлева, родовой территории и земли вообще, понимаемой, как этническая территория, отчизна). Культ айы известен больше под названием «белого шаманства». Оно во многих отношениях было полярно и антагонистично «черному», т. е. обычному шаманству и вообще терминологически мало подходит под это понятие. Видимо, прав Н. А. Алексеев, считающий, что «белые шаманы» в сущности, были жрецами общеплеменного культа божеств айы, в который многое было принесено якутами со своей южной прародинны.

Почти половина книги (вся третья глава) посвящена собственно шаманству. В этой главе много ценных материалов, и в целом она должна быть определена как еще один вклад в построение общего корпуса материалов по сибирскому шаманству. Н. А. Алексеев подчеркивает, что социально шаманы примыкали к слою эксплуататоров. Можно предполагать, что «черное шаманство» у якутов шло по пути эволюции в религию классового общества, вытесняя родоплеменную религию первобытности — так называемое «белое шаманство». Исчезновению последнего способствовали, очевидно, в равной мере и «черное шаманство», и христианство.

Научную ценность книги Н. А. Алексеева повышает имеющийся в ней обильный документальный материал, — тексты *албысов* (молений), религиозный ономастикон, терминологический перечень и др.

Важному аспекту изучения шаманства — типологии эволюции и семантике шаманского костюма — посвящена работа Е. Д. Прокофьевой «Шаманские костюмы народов Сибири», крупнейшая из статей, вошедших в сборник «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века» («Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 27, Л., 1971). Изучение этого вопроса имеет большое значение для понимания идеологии и практики шаманства. Исследования Е. Д. Прокофьевой выявили также ряд фактов, весьма существенных для изучения этнической истории Сибири. Так, весьма любопытно, что из пяти выделенных автором покровов шаманского кафтана наиболее примитивный (цельношкурный) покров связан с кето-самодийскими группами, прямо-спинный покров — с тюркоязычными группами, и покров кимоно с монгольскими и маньчжурскими группами.

В помещенной в этом же сборнике статье Н. Ф. Прытковой «Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах обских угров)» рассматриваются специфические культовые формы одежды, которые по своему покрою были сходны с повседневной старинной одеждой обских угров, но изготовлялись не для ношения, а в культовых целях. Это — одежды, надеваемые на изображения семейных духов-предков, в ряде случаев сохраняющие реликтовые архаические черты, уже утраченные в повседневной одежде; модели одежды, изготовлявшиеся в очистительных целях, если кто-либо из сородичей кончал жизнь неестественной смертью; одежда, специально шившаяся для жертвоприношений, подвешиваемая на деревьях или сжигаемая, отличающаяся от обычной (при сохранении размеров и покроя) непригнанностью по фигуре и неточным швом; гигантская одежда, делавшаяся в честь предков-богатырей и так далее. Сохранившиеся архаические детали на этих типах одежды имеют немалую ценность для решения вопросов культурно-исторических связей народов Западной Сибири. Ряд других статей сборника посвящен отдельным религиозным обрядам. Так, Ф. А. Сатлаев описывает эротически окрашенный обряд испрашивания плодородия, бытующий у кумандинцев и называемый *кочакан*. С. В. Иванов пишет о старинном якутском обряде, связанном с рождением ребенка. Статья Г. М. Василевич посвящена обрядам, имеющим отношение к культу медведя у эвенков. В статье В. И. Цинциус описываются различные обряды негидальцев, связанные с промысловым культом, но и здесь культ медведя занимает важнейшее место, так же, как и в статье З. П. Соколовой о пережитках религиозных верований у обских угров.

Очень интересны данные, приводимые В. И. Цинциус, о поверьях, связанных у негидальцев с талисманами *сингкон*. Сильнейшими талисманами считаются шкуры животных, выделяющихся среди своего вида, так называемых хозяев, затем части тела разных животных; большинство других талисманов так или иначе связано с волосами, шерстью и так далее.

Отняв талисман — мешочек с шерстью у духа *калгам*, можно обратиться этого духа в свою прислугу. Любопытно сопоставить эти поверья с таджикскими поверьями об *аджина*, которых тоже можно обратить в рабство, отняв их талисман; кстати их сила также воплощена в волосах или шерсти¹. В таких поверьях можно отыскать древнейшие религиозные представления, свойственные широкому кругу народов Центральной и Северной Евразии.

¹ О. Муродов. Традиционные представления таджиков об аджина. — «Сов. этнография», 1975, № 5, с. 100.

В сборнике имеются также весьма интересные материалы о ненецких и кетских культовых изображениях, в которых большую роль играла одежда. Это *мяд пухуця*, *мяд хэхэ* — домашние божества, *нытарма*, *сид-рянг* — изображения, связанные с культом предков у ненцев, описываемые Л. В. Хомич; кетские женские божества *алэл*, и изображения особо почитаемых умерших — *дангольс* (последние состояли нередко из одной лишь модели одежды). Эти материалы имеют преимущественно описательный характер, но из всех них, взятых в совокупности, вытекает один важный вывод: изображение духа или предка может быть сделано из дерева, может быть представлено камнем необычной формы или другим предметом, может и просто отсутствовать. Однако обязательным компонентом фетиша является одежда более или менее определенного типа, которая, собственно, и придает фетишу индивидуальность или типологическую характеристику.

Большой интерес представляет заключающая сборник статья И. С. Вдовина «Жертвенные места коряков». Эти места, выполняющие роль своеобразных храмов (или *теменосов*), называются *аппапиль* или *ыллаапиль*, что означает соответственно «старик, дед», или «старуха, бабка». Восходят они к реальным или легендарным личностям, к местам, где они были захоронены или «ушли под землю». Их отмечают скопления черепов оленей, моржей и других животных, наслоения наконечников стрел и других жертвоприношений. Заветы, связанные с аппапилями, как указывает И. С. Вдовин, сложились в эпоху, когда основой хозяйства коряков была охота. Любопытно, что аналогичные культовые места с той же семантикой названия, имеются и у чукчей. Возможно этот обычай восходит еще к эпохе, когда эти этнические общности были едины. В целом сборник является хорошим источником информации как по деталям религиозной обрядности народов Сибири, так и еще более по проблемам этногенеза и этнокультурных связей.

Третья книга, которую необходимо отметить в нашем обзоре — это книга З. П. Соколовой «Культовые животные в религиях». Вышедшая в серии «Научно-атеистическая литература», она задумана как научно-популярная работа, которая должна охватить все формы проявления культового отношения к животным в различных религиях, начиная от самых первобытных и кончая пережитками этих культов в развитых религиях классового общества. Автором обобщен обширный круг материалов, как литературных, так и в значительной мере почерпнутых из непосредственного полевого наблюдения этнографических фактов у народов Сибири. Изложение древнейших форм почитания животных начинается с тотемизма, описанного преимущественно на австралийских примерах, но далее идут интереснейшие примеры его пережитков у народов Сибири. На примерах верований нивхов, эвенков, коряков и других народов разобраны различные проявления промыслового культа. Автор анализирует различные концепции происхождения тотемизма, некоторых аспектов промыслового культа и соотносимость этого культа с генезисом понятия духов-хозяев и относящейся к ним обрядности. Много места уделено медвежьему культу, особенно в его обско-угорском и амуро-сахалинском вариантах.

Вторая глава книги — «Почитание животных в эпоху разложения первобытно-общинных отношений» особенно интересна описанием места животных в шаманской обрядности, поверий, касающихся оборотничества, перевоплощения душ, животных предков, животных черт в образах богов и культурных героев. Очень ценным аспектом изложения является планомерный показ тенденций к постепенной антропоморфизации животных образов, к отмиранию и переходу в косвенные атрибуты и намеки специфических животных черт. Третья глава книги, посвященная зоолатрическим представлениям в развитых религиях, носит более компилятивный и мозаичный характер, так как здесь автор по необходимости дол-

жен был коснуться весьма разнородных явлений — жертвоприношений животных, «козла отпущения», посвященных животных и так далее. Однако везде, где возможно, автор прослеживает глубокие корни этих моментов культа в представлениях религий первобытного общества.

Восприятию книги массовым читателем весьма способствует оригинально продуманная форма изложения, где содержащий научную информацию основной текст чередуется с набранными петитом повествовательными вставками — эпизодами, дающими живые картины тех или иных обрядов, праздников, церемоний. Особенно увлекательно читаются те из них, которые написаны от лица автора как непосредственного наблюдателя и участника описываемых событий.

К сожалению, приходится констатировать, что во всех работах, освещающих различные аспекты культуры, и особенно религии, в мировом масштабе, практически никогда, даже при самом тщательном редактировании, не удается полностью избежать досадных неточностей и ошибок, возникающих тогда, когда автор пересказывает материал, далекий от непосредственно им исследуемого региона. Прокрались они и в эту книгу. Там говорится (стр. 87), что «термин нагуализм происходит от нагуа, что на языке индейцев Южной Америки (вероятно, майя) означает животное — двойник человека». На самом же деле слово это не из языка майя, а из ацтекского. Кстати, как майя, так и ацтеки — это жители Центральной, а не Южной Америки, как совершенно правильно пишет сам автор на стр. 102. Зато тут написано, что парагвайские колдуны будто бы могли обращаться в тигров — на самом деле в Южной Америке, где тигров, разумеется, нет, испанским словом *el tigre* обозначают ягуара.

Хотя такого рода погрешностей в книге немного, и они не влияют на правильность ее методологических концепций и не снижают существенно ее познавательную ценность, их все же надо отметить, тем более, что значение книги З. П. Соколовой не ограничено одними лишь популяризаторскими задачами: проделанная ею работа по обобщению и сводке данных о разных религиях настолько значительна, что в ряде случаев обращение к этой книге как справочному пособию может быть полезно и для специалиста, тем более, что книга снабжена довольно обширным аппаратом ссылок.

Как можно видеть, этнографы-религиеведы внесли за последние годы значительный вклад в отечественную литературу по первобытным религиям. Надо надеяться, что эти проблемы и в дальнейшем будут пользоваться углубленным вниманием исследователей. Последнее тем более важно, что по существу в их распоряжении остается не более 10—20 лет, в течение которых еще можно будет собирать материал по этим верованиям среди народов Сибири и Севера, так как в сферу знаний не только молодого, но и среднего поколения представителей этих народов сведения о традиционных религиозных культах практически уже никак не входят.